Моск. комсомолец – 2002 – 8 февр. – с. 7.

НИКИТА НА ПУАНТАХ

Существует легенда, что балерина — это нечто неземное, порхающее, сильфидное. Дунь ветерок — и улетит под самые небеса. Солистка Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко Инна ГИНКЕВИЧ этот миф разбивает вдребезги. В свободное от танцев время Инна стреляет из пневморужья и пистолета.

ВАДИМ ЛАПИН

— Инна, а фехтовать, скакать на лошади не пробовали?

— Фехтовать пока еще нет, а на лошади боюсь: тут возможны травмы, а в нашей профессии и так боли хватает. Я заканчивала Вагановское училище в Петербурге, и так случилось, что на госэкзамене я получила травму. Но все равно танцевала. А комиссия, видя мой не самый лучший танец, поставила мне "пять с минусом". Потом, когда я принесла снимок, на котором было видно, что у меня трещина в кости, все были в шоке. Говорили: "Как она могла не то что танцевать, а вообще двигаться!" Но отметку в аттестате не исправили, минус остался.

— Неужели это важно — с минусом пятерка или без? Ведь когда приглашают в труппу, аттестат не спрашивают, а смотрят на танец балерины?

— Это было важно только для меня, для собственного удовлетворения. А что касается приглашений, то в студию к Юрию Николаевичу Григоровичу меня позвали и даже подписали контракт, не видя, как я танцую. В Петербург приехал директор Григоровича, ему рассказали обо мне, о том, какой я танцевала репертуар в училище. Были и рекомендации таких мэтров танца, как Константин Сергеев, Наталья Дудинская, Инна Зубковская... И меня пригласили. Потом уже позвонили из Москвы и сказали: "Инна, может, ты приедешь к нам, чтобы Юрий Николаевич на тебя посмотрел?" Я приехала, Григорович увидел меня в классе, и началась моя работа в Большом театре. Я танцевала в студии Григоровича, была занята почти во всех балетах Юрия Николаевича — "Лебединое озеро", "Щелкунчик", "Золотой век".

— Откройте секрет, на что больше всего обращает внимание приемная комиссия, когда отбирает из сотен маленьких детей будущих танцовщиков и танцовщиц?

— Я могу говорить только о ленинградской школе, потому что московскую не знаю. Комиссия отмечает внешний вид: чтобы фигура была пропорциональной, чтобы колени не висели и ноги не были кривыми.

— А что, с кривыми нельзя?

— Нет. Потом ноги могут искривиться, когда обрастают мышцами, а изначально фигурка должна быть пропорционально безукоризненной. Ноги и руки — удлиненными, желательно, чтобы и шея была длинной. Смотрят, какой шаг, как гнется стопа. И еще в Петербурге обращают внимание на внешность.

— Говорят, что девочки в хореографическом училище ведут нечеловеческую борьбу с лишним весом, голодают, даже пьют таблетки для похудения?

— Мой педагог, выдающаяся ленинградская балерина Инна Борисовна Зубковская, всегда нас предостерегала от этой борьбы. Она говорила: пусть мы будем немного пухленькими, такими пышечками, не надо этого бояться, потому что излишки веса уйдут сами, как только мы выйдем на сцену. Когда балерина активно входит в репертуар, все приходит в норму. А те, кто в училище пил таблетки и худел, потом так набирали в весе, что им приходилось уходить из профессии.

— Раньше много говорилось о различиях в московской и ленинградской школах классического танца...

— Теперь этого различия нет. Можно только сказать, что в Москве балерин учат прыгать. Петербургские балерины необыкновенно красивы, растянуты, у них великолепный шаг, а запрыгала я только в Москве, в классе у Маргариты Дроздовой. Здесь, как и в спорте, надо точно объяснить, где толкнуться, как толкнуться и когда.

— У вас очень независимый, решительный вид. Думаю, вы могли бы сыграть Никиту в детективном сериале.

— Спокойно. Я вообще удивляюсь, почему наш кинематограф не обращает внимания на артистов балета. Ведь половина голливудских звезд начинала свою кинокарьеру в балетном классе, и это естественно. Балетное воспитание — это внешность, пластика, изысканность, дисциплина. Балетный артист, в отличие от драматического, никогда не закатывает истерик, у балетных нет никаких звездных заскоков. Когда мы снимаемся в каких-то программах вместе с драматическими артистами, то всегда слышим: "Какие же вы профессионалы!" К тому же мы получаем уникальное образование: помимо танцев в программе обучения балетного артиста — история театра, музыки, балета, живописи, французский язык, фортепиано, ритмика... И, конечно, это художественное воспитание накладывает свою печать и на внешний облик артиста балета.

— Но кинематограф — это искусство, приближенное к реальности, а балет — от реальности оторванное. Представьте художественный фильм из российской действительности — и вдруг появляется героиня с прямой спиной и вывернутыми наизнанку стопами.

— Сейчас таких вывернутых стоп уже нет, это все в прошлом. К тому же помимо бытовых комедий или драм есть еще и исторические фильмы.

— А то, что балерина не должна иметь детей, полностью отдаваясь танцу, — это тоже прошлое?

— Да у нас в театре почти у всех ведущих балерин есть дети, у некоторых — двое.

— А танцу это не мешает?

— Я родила в двадцать четыре года и знала, что вернусь в балет. Рожала осознанно. На мой взгляд, главное предназначение женщины — продолжение рода, и никакое искусство не заменит семьи, детей.

— До какого месяца вы танцевали?

— Я ушла сразу, как узнала, что беременна. И считаю неправильным, когда балерина танцует до четырех, а некоторые и до шести месяцев. Зачем это? Что дадут эти месяцы артистке? А будущему ребенку подобные материнские подвиги вредят, отрицательно влияют на его умственные способности. Восстанавливаются после родов тоже довольно быстро. Через шесть месяцев я уже танцевала на сцене. И как показывает опыт наших балерин, процесс обретения былой формы длится ровно год. Через год балерина выглядит и танцует так же, как и до родов.

— Каждый день вы приходите в класс, каждый день делаете одни и те же упражнения. Как не сойти с ума от этого каждодневного однообразия?

— Иногда это и впрямь утомляет. Но тут все зависит от самого артиста. Кто-то замыкается в себе и ничего не видит, кроме театра, репетиций, тренинга и дома. Я не такая, я могу отправиться куда-нибудь в дискотеку и всю ночь там протанцевать. И тогда происходит разрядка. А вот без вечернего спектакля прожить трудно. Когда в отпуске, то весь день чувствуешь себя замечательно, а к вечеру вдруг понимаешь, что тебе не хватает чего-то главного.

— Перед спектаклем вас может вывести из равновесия какая-нибудь реплика?

— Да.

— Это, наверное, девчонки-конкурентки какую-нибудь пакость говорят?

— Нет, этим отличается руководство. Возьмут да скажут: "Сегодня очень ответственный спектакль, только попробуйте упасть!" После чего у половины труппы подкашиваются ноги, а некоторые даже и падают.

— На сцене вы позволяете себе надевать украшения?

— Обязательно, моя слабость — это серьги.

— Во время танца это не мешает?

— Мы приклеиваем их клеем, чтобы они не отлетели, некоторые балерины — вместе с ушами, чтобы не торчали. Эти сценические драгоценности мы покупаем в Японии, там самая лучшая бижутерия. Однажды я рискнула выступить в настоящих серьгах с бриллиантами, но во время танца одна сережка у меня куда-то улетела, я ее так и не нашла. С тех пор — только бижутерия.

— Еще какой-нибудь анекдот не вспомните?

— Я только познакомилась со своим вторым мужем. Он приглашает меня в ресторан, я прихожу. А я весь день ничего не ела: как пришла в театре в класс, так до вечера репетировала. Поэтому заказываю в ресторане все по полной программе — первое, второе, десерт — и съедаю все с удовольствием. Мой будущий супруг только поражается. После этого обеда он встретился со своим другом, давно женатым на балерине, и с удивлением рассказывает ему о хорошем аппетите балерин. На что друг отвечает: "Не переживай, балерины не только много едят, но еще и живут долго".

■

БАТМАН-НЬЮС

Пожирательница гениев

Мизиа Серт вошла в историю, не создав ничего выдающегося. Просто она умела окружить себя легендарными личностями. Эта дама была любимой моделью Огюста Ренуара, написавшего восемь портретов Мизии, ее писали Боннар, Валлотон, Вюйяр. Завтракая с ней, Тулуз-Лотрек рисовал ее на меню и называл Ласточкой. К ней приходил читать свои поэмы Малларме. Среди ее избранных друзей — Коко Шанель и Сергей Дягилев. Мизиа называла его Даг и была предана этому волшебнику искусства до самой его смерти.

Вышедшие в издательстве "Артист. Режиссер. Театр" мемуары Серт "Мизиа, или Пожирательница гениев" — небольшие, но ценные портреты тех, с кем свела Мизию судьба. А самые восторженные страницы отданы тому, кто в двадцатом веке перевернул все представления о балетном искусстве, — Сергею Дягилеву.

Награда нашла героев

В январе в Лондоне балетная труппа Мариинского театра получила награду Круга балетных критиков как лучшая балетная труппа 2001 года. Среди номинантов также были балетная труппа Сан-Франциско и Кулберг-балет из Швеции. Все они получили специальный сертификат, подписанный почетным секретарем Круга Чарльзом Хеджесом и председателем Майком Диксоном.

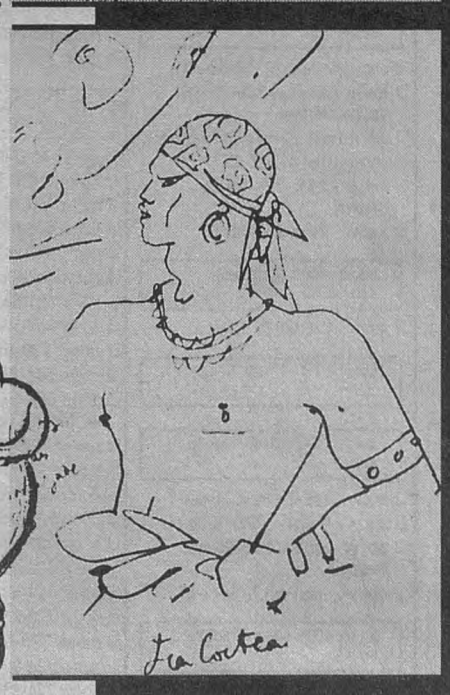
"Дочь фараона" переезжает в Кремль

Балет французского хореографа Пьера Лакотта "Дочь фараона", поставленный им полтора года назад в Большом театре, возвращается в репертуар. У этой "Дочери" оказалась непростая сценическая судьба. Ее с восторгом приветствовало прежнее руководство во главе с Владимиром Васильевым. Сменивший его Геннадий Рождественский выбросил неугодную ему "Дочь" с корабля современности далеко за борт, но она оказалась живучей. И теперь возвращается. Правда, исполнять ее будут не на сцене Большого, а в Государственном Кремлевском дворце. Что из этого получится, можно будет увидеть уже совсем скоро.

ПЕРО И ЧЕРНИЛА

Когда-то, встретившись с Сергеем Дягилевым, молодой Жан Кокто услышал от прославленного мэтра: "Удивите меня!" И с тех пор Жан Великолепный, или, как еще называли Кокто, — "человек-оркестр", не переставал удивлять. Все, чему он себя посвящал, приносило ему шумный успех и громкий скандал. Он был выдающимся поэтом, оригинальным романистом, драматургом, новатором кино, художником-графиком... Конечно, этот великий человек не мог пройти и мимо танца. Кокто написал сценарии таких известных балетов, как "Синий бог", "Парад", "Голубой экспресс", "Юноша и смерть". С "Парадом", кстати, связан один забавный эпизод. После премьеры кто-то из зрителей в сердцах бросил фразу, которая привела создателей спектакля в восторг: "Если бы я знал, что это такая чушь, я бы привел сюда детей".

Кокто и танец — это созданная художником изысканная афиша к балету "Видение розы" и графические листы, на которых остроумно и тонко с помощью пера и чернил запечатлены Игорь Стравинский, Сергей Дягилев и *бог танца — Вацлав Нижинский.*



БАТМАН-АНЕКДОТ

Во времена СССР как-то за кулисами Кировского театра Рудольф Нуреев устроил скандал. Два первых акта "Дон Кихота" он танцевал в традиционном балетном наряде — трико, поверх которого были надеты короткие штаны с буфами. А в третьем танцовщик-диссидент, отбросив условности, облачился в белое облегающее трико, под которым был всего лишь бандаж. Театральное начальство затянуло антракт на час, умоляя танцовщика отказаться от этой развратной затеи. Но Нуреев был непреклонен: "Не буду я танцевать в этих абажурчиках". Когда танцовщик наконец вышел на сцену, зал ахнул, увидев его невообразимо обтянутые трико упругие ягодицы. Все подумали, что Нуреев забыл надеть штаны.

✧ ✧ ✧

Во время недавнего выступления Владимира Малахова в Большом театре к нему после спектакля подходит поклонница и говорит: "Володя, я давно слежу за вашим творчеством, я даже помню ваше выступление на конкурсе артистов балета, вы танцевали один современный номер, он мне так понравился, не помню, как он назывался". На что Малахов отвечает: "Он назывался "Девочка и олень". Как ни странно, я был оленем..."